

Этнонимы поляков в русской литературе первой половины XIX века

© Н.П. САБАДАШ

В статье рассматриваются примеры употребления этнонимов *поляк-лях*, *полька* – *полячка* в русской литературе первой половины XIX века, делается вывод о смещении значения этнонима *лях* и приобретении им негативного оттенка.

Ключевые слова: национальная идентификация, этноним, *поляк*, *лях*, *полька*, *полячка*.

Появление этнонимов в языке связывают не только с укреплением экономических контактов и политических связей с другой нацией, но и с развитием национального самосознания народа, который на этом языке говорит. Формированию национальной идентичности способствует противопоставление себя другим: «Национальная идентичность в большой степени оформляется с помощью образов, отраженных в столкновении с народами соседних стран» [1. С. 1]. Для русских таким соседом на протяжении всего времени существования была Польша.

Знакомство с польским характером и типом поведения обнаруживало разницу между русскими и поляками, определяло восприятие поляков как «других»: «Коллективное мнение склонно принимать обобщенные формулы представлений, сводящиеся к простейшим ценностным бинарным оппозициям типа “свой” – “чужой”, “мы” – “они”, соответствующих в наиболее общих чертах антитезе добра и зла» [2. С. 189]. В особенностях употребления и бытования этнонимов и заключен характер отношения к «соседям», а также история восприятия «чужого» народа, которым для русских всегда были поляки.

К нейтральным наименованиям лиц польского происхождения в русской литературе относится собственно слово *поляк*. Сложнее обстоит дело с этнонимом *лях*. В фольклоре и древнерусской литературе (например, в «Повести временных лет») слово *ляхи* было обычным наименованием поляков и не носило характера уничижительности. В первой половине XIX века этноним *лях* употреблялся уже в двух разновидностях: 1) как нейтральный, но устаревший вариант слова «поляк»; 2) как маркированный вариант с негативным оттенком.

О подобном восприятии слова *лях* мы узнаем из переписки Александра I с Карамзиным по поводу «Истории государства Российского». Александр I советовал ему «смягчить отзывы о Польше» [3. С. 87]. На что Карамзин отвечал в письме от 10 марта 1824 года: «Следя Вашему замечанию, я с особенным вниманием просмотрел те места, где говорится о Поляках, союзниках Лжедмитрия: нет, кажется, ни слова обидного для народа; описываются только худые дела лиц, и так, как сами Польские Историки описывали их или судили: ссылаюся на 522 примечание XI-го тома. Я не щадил и Русских, когда они злодействовали и срамились. Употребляю предпочтительно имя Ляхов для того, что оно короче, приятнее для слуха, и в сие время (то есть, в XVI и в XVII веке) обыкновенно употреблялось в России» [4. С. 29].

Обоснование употребления Карамзиным именно слова *лях* показывает, что данный этноним воспринимался в первой половине XIX века как маркированный вариант, нагруженный негативными коннотациями, например: 1) поляк-враг, желающий раскола русских и поражения России; 2) поляк-иноверец. Все эти оттенки значения мы находим в употреблении слова *лях* в русской литературе первой половины XIX века.

Лях в русской литературе – это, прежде всего, враг, бунтовщик, предатель и изменник: «Лях, бунтующий пред нами...»; «Была пора: коварный, вражий лях...» (В.А. Жуковский); «Возмнил лях буйный, вероломный...» (Д. Рунич); «Восстал дыша изменой лях!» (А. Норов); «Но верный родине моей / Не отверну теперь очей, / Хоть ты б желал, изменник-лях / Прочешь в них близкой смерти страх, / И сожаленье и печаль...» (М.Ю. Лермонтов); «вражий лях» (Н.В. Гоголь); «Упиться кровию врагов наших <...> кровию губителей России, кровию всех ляхов!»;

«ненавистные ляхи»; «Ты для почину целый полк ляхов один остановил и человек двадцать супостатов перекрошил своим бердышом...»; «злодеи-ляхи» (М.Н. Загоскин); «вероломные ляхи» (О.П. Шишкина).

Одним из определяющих факторов восприятия русскими поляков было принятие последними католицизма, поэтому лях в текстах – католик, иноверец, басурман: «окаянные ляхи»; «Не пировать бы иноверцам на святой Руси!...» (М.Н. Загоскин); «Она не православная, а из ляхов проклятых...» (Б.М. Федоров); «нечестивые ляхи» (Н.В. Гоголь).

При анализе употребления этнонимов *поляк* и *лях* зачастую становится важным, от чьего лица данные этнонимы произносятся. К примеру, в романе Ф.В. Булгарина «Димитрий Самозванец» мы находим как *поляка*, так и *ляха*, однако именуют *ляхами* поляков только запорожцы или представители простого русского народа.

В романе М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» также встречаются оба этнонима, однако *ляхами* называют западных соседей либо лица из простого народа (например, слуга Юрия Милославского Алексей), либо запорожцы (Кириша), либо новгородские бояре (князь Черкасский, боярин Туренин), которые сильно ожесточились против поляков, разграблявших их землю.

Интересным предстает бытование этнонима *лях* в поэтическом словаре Пушкина. Здесь можно выделить три случая употребления слова *лях*: 1) вариант с оттенком пейоративности; 2) нейтральный вариант; 3) устаревший вариант. В трагедии «Борис Годунов» Пушкин выводит на сцену героя под именем *Лях*: «В сцене “Севск” выступают поляки, солдаты войск Самозванца. Пушкин показывает их с явной иронией, наряду с определением “поляк” пользуясь также формой “лях” с отчетливой негативной смысловой окраской» [5. С. 110].

Нейтральный вариант употребления этнонима *лях* мы находим в эпиграмме Пушкина «Не то беда, что ты поляк...» (1830): «Позднее использование названия “лях” будет у Пушкина нейтральным по смыслу, лишенным негативного оттенка (сравните, например, в известной эпиграмме на Булгарина: “Не то беда, что ты поляк: // Костюшко-лях, Мицкевич-лях!”)» [Там же. С. 112].

В стихотворении «Клеветникам России» Пушкиным также упоминается «кичливый лях». В данном случае если и присутствует неодобрительно-уничижительный оттенок при употреблении слова *лях*, то основным является другой. На наш взгляд, Пушкин выбрал именно устаревший уже в начале XIX века этноним *лях*, чтобы подчеркнуть давность и историческую значимость «спора» России и Польши, о чем не раз говорится в стихотворении: «Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою»; «Уже давно между собою / Враждуют эти племена»; «кровавые скрижали». Показательно, что в пару *ляху* Пушкин выбирает слово *росс*, которое не только отвечает торжественному характеру

стихотворения, но и отсылает читателя к событиям исторического прошлого России. Кроме того, особенно популярным употреблением слова *росс* было в одической поэзии XVIII века.

Зачастую авторами не проводится разграничений при употреблении этнонимов *поляк* и *лях*. Как и *поляк* в художественных текстах, так и *лях* является «надменным» (К.Ф. Рылеев), «гордым» (И.С. Никитин), «храбрым» (О.П. Шишкина), «бойким», «хвастливым» (Н.В. Гоголь), «кичливым» (А.С. Пушкин), то есть полностью соответствует стереотипу поляка в русской литературе и культуре. Однако этноним *лях* чаще употребляется с негативным уничижительным оттенком. Заметим, что в царских манифестах и указах использовался только этноним *поляк*. Употребление *лях* было исключено, что говорит о маркированности данной лексической единицы в языке того времени.

Для наименования женских персонажей польского происхождения в русской литературе первой половины XIX века существовали два этнонима: *полька* и *полячка*. Наиболее распространенный вариант – *полька*: «польки милы до крайности» (Ф.В. Булгарин); «пламенная, с огненными глазами полька» (Н.А. Полевой); «прекрасная полька» (А.А. Марлинский); «польки милые» (Н.А. Полевой); «благородные польки» (Ф.В. Булгарин); «неверность польки» (И.И. Лажечников); «польками» (А.С. Грибоедов, П.А. Вяземский). Данный этноним использовали те писатели, которые были знакомы с поляками, некоторое время жили в Польше и знали польский язык, так как по-польски женщина польского происхождения обозначается словом *polka*.

Этноним *полячка* мы находим в произведениях других авторов: «полячка младая»; «гордая полячка» (А.С. Пушкин); «прекрасная полячка» (Н.В. Гоголь); «неверная полячка»; «миловидные полячки» (М.Н. Загошкин); «ветренные полячки»; «прекрасная черноглазая полячка» (Н.В. Гоголь).

Этноним *полька* Пушкин использовал редко, например, в черновом варианте послания «Графу Олизару»: «И тот не наш, кто польке злобной / Кольцом заветным обручен». В «Борисе Годунове» и балладе «Будрыс и его сыновья» Пушкин использует этноним *полячка*, вероятно, считая, что слово *полька* более относится к разговорному стилю и нагружено негативными коннотациями: «Весной 1832 г., читая рукопись монографии Петра Вяземского “Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине”, Пушкин сделал на полях книги несколько заметок. В частности, он подчеркнул в тексте слово “полька” и рядом написал: “Польская дама – полячка. Полька – Пелагея”» [5. С. 109 – 110].

По мнению А. Дворского, Пушкин не проводил различия между этнонимами *полька* и *полячка*: «...употребление этих определений Пушкиным показывает, что он трактовал их как синонимы, не придавая

конкретным формам различной семантической окраски...» [Там же. С. 110]. Однако необходимо отметить, что этноним *полячка* Пушкин использовал в более поздних текстах. Кроме того, произведения с этнонимом *полячка* были опубликованы, тогда как слово *полька* употреблялось Пушкиным в письме и черновом варианте послания, что говорит, на наш взгляд, о его языковом выборе.

Таким образом, этноним *лях* претерпел изменения в значении на протяжении XVIII–XIX веков и со временем стал употребляться как маркированный вариант этнонима *поляк*. Выбор же именованного лица женского пола польского происхождения – *полька* или *полячка* – определялся сугубо авторскими предпочтениями.

Литература

1. Polish Encounters, Russian Identity. Bloomington – Indianapolis, 2005.
2. *Kępiński A.* Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu. Warszawa – Kraków, 1990.
3. *Галахов А.Д.* История русской словесности, древней и новой. В 2 т. СПб., 1868. Т. 2.
4. Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб., 1862. Ч. I.
5. *Дворский А.* Пушкин и польская культура. СПб., 1999.

МГУ им. М.В. Ломоносова